

Научная статья

УДК 347.91/.95

DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.121-136

Процессуальные соглашения в производстве по защите прав и законных интересов группы лиц

Ирина Владимировна Гинзбург

*Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева,
Саранск, Российская Федерация*

Irinag88@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4219-8345>

Аннотация

Введение. Возможность заключения процессуальных соглашений в гражданском процессе выступает одним из проявлений частноправовых начал в рамках гражданского судопроизводства. Ввиду сложного субъектного состава и объединения в одном деле множества различных интересов, характерного для групповых производств, проблема реализации в их рамках права на заключение процессуальных соглашений представляется актуальным направлением научных исследований.

Теоретические основы. Методы. Теоретическую основу научной статьи составили труды российских и зарубежных ученых. Применяемые в работе сравнительно-правовой и формально-юридический методы исследования наряду с компаративистским анализом позволили выявить ряд особенностей и проблем в области заключения процессуальных соглашений в групповых производствах.

Результаты исследования. Выявленные достоинства и недостатки российского подхода в части урегулирования ряда процессуальных соглашений в групповых производствах способствовали формированию рекомендаций для изменения законодательства и правоприменительной практики.

Обсуждение и заключение. Групповые производства со всеми присущими им проблемами в области заключения процессуальных соглашений требуют не только законодательного устранения ряда пробелов, но и дополнительного аналитического разбора в процессе правоприменения, чтобы гарантировать защиту интересов группы лиц.

Ключевые слова: процессуальные соглашения, групповой иск, соглашение группы лиц, мировое соглашение, соглашение о проведении процедуры медиации

Для цитирования: Гинзбург И. В. Процессуальные соглашения в производстве по защите прав и законных интересов группы лиц // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 2. С. 121–136. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.121-136.

Original article

Procedural Agreements in the Proceedings to Protect the Rights and Legitimate Interests of a Group of Persons

Irina V. Ginzburg

*National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk,
Russian Federation*

Irinag88@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4219-8345>

Abstract

Introduction. The possibility of concluding procedural agreements in civil proceedings is one of the manifestations of private law principles within the framework of civil proceedings. In view of the complex subject composition and the combination in one case of many different interests, characteristic of group proceedings, the problem of implementing within their framework the right to conclude procedural agreements seems to be a relevant area of scientific research.

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of the scientific article was the works of Russian and foreign scientists. The comparative legal and formal legal research methods used in the work, along with comparative analysis, made it possible to identify a number of features and problems in the field of concluding procedural agreements in group proceedings.

Results. The identified advantages and disadvantages of the Russian approach in terms of resolving a number of procedural agreements in group proceedings contributed to the formation of a number of recommendations for changing legislation and law enforcement practice.

Discussion and Conclusion. Group proceedings, with all their inherent problems in the field of concluding procedural agreements, require not only the legislative elimination of a number of gaps, but also additional analytical analysis in the enforcement process to ensure the protection of the interests of the class.

Keywords: procedural agreements, class action, group agreement, settlement agreement, agreement to conduct a mediation procedure

For citation: Ginzburg, I. V., 2024. Procedural agreements in the proceedings to protect the rights and legitimate interests of a group of persons. *Pravosudie/Justice*, 6(2), pp. 121–136. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.2.121-136.

Введение

Исследование сущности процессуальных соглашений, их значения в контексте реализации задач судопроизводства выступает актуальным направлением научных изысканий как отечественных исследователей, так и зарубежных. О. Н. Шеменева определяет процессуальные соглашения как пример процессуального сотрудничества лиц с несовпадающими юридическими интересами к исходу дела [Шеменева, О. Н., 2019]. М. А. Рожкова справедливо отмечает, что процессуальное соглашение является сред-

ством, способствующим реализации процессуальной правосубъектности и нацеленным в ряде случаев на достижение процессуальной экономии в гражданском процессе [Рожкова, М. А., 2009].

Ввиду сложного субъектного состава и объединения в одном деле множества различных интересов, что характерно для групповых производств, исследование вопроса о реализации в их рамках права на заключение процессуальных соглашений – значимый вопрос как с позиций реализации принципа процессуальной экономии, так и с точки зрения реализации процессуальной правосубъектности. Заключение процессуальных соглашений участниками группового производства имеет ряд особенностей, которые найдут освещение в рамках данной работы с учетом анализа российского законодательства, правоприменительной практики и зарубежного опыта.

Теоретические основы. Методы

Теоретическую основу научной статьи составили труды российских и зарубежных ученых, занимающихся исследованием как проблематики процессуальных соглашений в целом, так и отдельных аспектов их заключения в рамках производства по защите прав и законных интересов группы лиц (групповых производств).

Посредством сравнительно-правового и формально-юридического методов исследования в статье выявлены особенности заключения процессуальных соглашений в групповых производствах, установлены достоинства российского законодательства в части урегулирования ряда процессуальных соглашений и некоторые недостатки, требующие устранения. Компаративистский анализ позволил обосновать рекомендации по изменению российского законодательства и сложившейся правоприменительной практики в области рассмотрения и разрешения дел о защите прав и законных интересов группы лиц.

Результаты исследования

Соглашение о территориальной подсудности. Традиционно в числе процессуальных соглашений в гражданском судопроизводстве называется соглашение о территориальной подсудности. Цивилистический процесс допускает возможность изменения подсудности по соглашению сторон. Учитывая, что иски по защите прав и законных интересов группы лиц довольно часто подаются в связи с массовыми нарушениями прав потребителей, разберем на данном примере вопрос о территориальной подсудности соответствующих исков. Вопрос о возможности включения в договор с гражданином-потребителем оговорки о территориальной подсудности, которая по сути ограничивает право истца-потребителя, предусмотренное ст. 29 Гражданского процессуального кодекса¹ (ГПК РФ), неоднократно ставился под сомнение. Судебная практика в отношении данного вопроса долгое время также не отличалась единообразием. Совсем недавно Верховный

¹ Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Суд Российской Федерации в Обзоре судебной практики по делам о защите прав потребителей указал на то, что ограничение права потребителя на свободный выбор территориальной подсудности является нарушением ст. 16 Закона о защите прав потребителей² и в силу этого ничтожно. Таким образом, потребитель может предъявить иск по правилам альтернативной подсудности, несмотря на наличие в договоре условий договорной подсудности³. При этом относительно множества потребителей, объединившихся в целях коллективной защиты своих нарушенных прав и законных интересов (как и в целом в отношении всех исков о защите прав и законных интересов группы лиц), действует правило об исключительной подсудности – групповой иск может быть подан только по адресу ответчика. Исключительная подсудность посредством договора изменена быть не может.

Рассмотрим зарубежный опыт в части реализации права на выбор суда в рамках гражданско-правового договора. Так, в США договорным положениям о выборе суда отводится решающее значение во всех случаях, кроме исключительных. Верховный Суд США определил четыре основания, при наличии которых суд может отказать в применении договорных положений о выборе суда:

- положение сформировано под влиянием мошеннических действий экономически сильного субъекта или в связи с явным злоупотреблением последнего;
- истец фактически будет ограничен в возможности обратиться за судебной защитой из-за неудобства в территориальной доступности выбранного суда;
- договорное положение лишает истца средств и способов защиты нарушенного права;
- положение противоречит государственной политике.

В деле Davis v. Oasis Legal Finance Operating Co⁴ группа заемщиков подала коллективный иск в штате Джорджия против кредиторов в связи с тем, что их кредитные соглашения нарушают действующее законодательство штата. Ответчик предложил отклонить иск, так как согласно заключенным с потребителями договорам выбран иной суд, компетентный в рассмотрении иска (расположенный в штате Иллинойс), кроме того, в договоре содержится положение, согласно которому потребители отказываются от возможности подать коллективный иск. Окружной суд пришел к выводу, что оба положе-

² Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей». Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 октября 2023 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2024. № 1.

⁴ Davis v. Oasis Legal Finance Operating Co., Court of Appeals, 11th Circuit 2019. URL: https://scholar.google.com/scholar_case?case=9644815414066304202&q=Davis+v.+Oasis+Legal+Finance+Operating+Co&hl=en&as_sdt=2003&as_ylo=2019 (дата обращения: 12.01.2024).

ния не имеют юридической силы, ибо противоречат государственной политике Джорджии, отметив, что несправедливой и недопустимой является ситуация, позволяющая экономически сильному субъекту фактически отменять защиту прав потребителей путем отказа от прав. Вышестоящая инстанция согласилась с мнением окружного суда.

Таким образом, учитывая фактическую и правовую сложность групповых производств, мы считаем правильным подход российского законодателя: он четко определяет подсудность соответствующих исков, устраняет все возможные спорные ситуации и путаницу с определением суда, компетентного рассматривать соответствующие споры.

Третейское соглашение. Статья 22.1 ГПК РФ закрепляет споры, подлежащие передаче на рассмотрение третейского суда. В пункте 2 этой статьи указаны споры, которые на рассмотрение третейского суда переданы быть не могут. В последнее время участились случаи включения арбитражных оговорок в договоры с потребителями. По смыслу ст. 22.1 ГПК РФ в потребительский контракт может быть включено соглашение о рассмотрении спора третейским судом, однако наличие такого соглашения само по себе не является препятствием для обращения в суд общей юрисдикции. Суд, прежде чем принимать решение о возвращении искового заявления или оставлении его без рассмотрения, должен дать оценку данному соглашению с точки зрения реализации права на судебную защиту⁵. А. В. Терентьева отмечает, что третейские оговорки в потребительских контрактах следует относить к оспоримым сделкам, недействительность которых может быть признана только в судебном порядке, в случае, если будет доказана недобросовестность их включения [Терентьева, А. В., 2020]. При этом с точки зрения российского законодательства (глава 28.2 АПК РФ, 22.3 ГПК РФ) дела о защите прав и законных интересов группы лиц не могут быть переданы на рассмотрение третейского суда⁶.

Рассмотрим американский опыт в части включения третейских оговорок в договоры, стороной которых является гражданин. По мнению профессора Марии Дж. Гловер, групповые иски на протяжении нескольких десятилетий находились в центре «процессуальной войны», инициируемой со стороны ответчиков, их адвокатов и коллегий адвокатов, Торговой палаты США [Glover, J. M., 2022]. При этом «арбитражная революция», выразившаяся в повсеместном включении в договоры арбитражных оговорок, оказалась наиболее успешным способом избежать групповые иски. Ученый

⁵ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 2 декабря 2022 г. № 88-30422/2022. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=111734&cacheid=80259EB9BEC4C4F8F954618F3A76D9B&mode=splus&rnd=FZrCZ2UBr6h00riL#7FtCZ2UtDKNACeAF>.

⁶ См. также: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Российская газета. 2019. 25 дек.

отмечает, что эта революция оказала глубокое влияние на систему правосудия: многие требования, которые вполне могли бы быть объединены в групповые иски, практически исчезли на какое-то время из сферы гражданского правосудия США [Glover, J. M., 2022]. Арбитражные оговорки с отказом от групповых исков стали включаться в трудовые договоры с работниками, в договоры с потребителями и т. д. Так называемое «частное процессуальное регулирование» признается американскими судами, а арбитраж понимается как двустороннее разрешение частных споров, поэтому последний стал не просто действенным механизмом обхода системы коллективного урегулирования, но и настоящей победой для корпораций. Однако победа экономически сильных субъектов одновременно с этим стала потерей для заведомо уязвимых субъектов. Общественный резонанс постепенно нарастал. При этом Мария Дж. Гловер отмечает, что в результате фактического устранения групповых исков массовый вред не устранился, а образовавшаяся пустота вполне может быть заполнена массовым арбитражем [Glover, J. M., 2022].

Главным отличием массового арбитража является тот факт, что граждане, планирующие в нем участвовать, должны подать индивидуальные арбитражные иски. Результат рассмотрения исков также может быть не одинаковым для истцов (в групповых исках есть ведущий истец, представляющий большую группу, члены группы, как правило, получают одинаковую компенсацию). Тем не менее при массовом арбитраже ответчики стараются урегулировать все сходные дела сразу или одинаково, чтобы сэкономить время и деньги, связанные с арбитражем каждого отдельного дела. Интересным является тот факт, что недавний массовый арбитраж (75 000 арбитражных исков), инициированный против Amazon, привел к тому, что компания перестала использовать арбитражную оговорку в пользовательских соглашениях⁷.

Соглашение о порядке осуществления прав и обязанностей группы лиц (соглашение группы лиц). Соответствующий вид процессуального соглашения характерен только для производства по защите прав и законных интересов группы лиц по гражданскому процессуальному законодательству. При этом сами нормы главы 22.3 ГПК РФ сформулированы таким образом, что оставляют простор для разночтений относительно сущности и значения соответствующего соглашения в гражданском процессе. Так, в ст. 244.22 ГПК РФ отмечается, что, если иное не предусмотрено соглашением о порядке осуществления прав и обязанностей группы лиц, лицо, ведущее дело в интересах группы, пользуется всеми процессуальными правами, несет все обязанности, в том числе в части обязанности по уплате судебных расходов и права на поручение ведения дела представителю. В статье 244.26 ГПК РФ закреплено, что в рамках подготовки дела к

⁷ Информация взята с юридического новостного веб-сайта National Law Review. Amazon Removes Arbitration Provision from its Terms of Service. URL: <https://natlawreview.com>.

судебному разбирательству судья предлагает лицам, присоединившимся к требованию, заключить соглашение группы лиц или присоединиться к уже заключенному соглашению. В цитируемых статьях ГПК РФ дается отсылка на ст. 244.27 ГПК РФ, которая определяет порядок несения судебных расходов по делу о защите прав и законных интересов группы лиц. Таким образом, по смыслу данной статьи речь в главе 22.3 ГПК РФ идет именно о соглашении об определении порядка несения судебных расходов, которое удостоверяется нотариально и является обязательным к применению судом при рассмотрении и разрешении дела. При этом, формально подходя к толкованию указанных выше норм, можно предположить, что существует два процессуальных соглашения: соглашение о порядке осуществления прав и законных интересов группы лиц (которое включает в том числе наличие или отсутствие права на поручение ведения дела представителю) и соглашение группы лиц, что, по нашему мнению, является нарушением правил юридической техники и вводит в заблуждение. Так, лицо, ведущее дело в интересах группы (ведущий истец), осуществляет свои полномочия на основании заявлений членов группы о присоединении к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц. Кроме того, ведущий истец должен быть обозначен в самом исковом заявлении. При этом он пользуется всеми распорядительными процессуальными правами истца. А. В. Афтахова отмечает, что, несмотря на процессуальную самостоятельность ведущего истца, регламентация его процессуальных прав представляется целесообразной. Также имеется необходимость регулярно отчитываться перед членами группы о ходе судебного разбирательства. Все это может быть закреплено в соглашении группы лиц [Афтахова, А. В., 2022]. В. О. Ватаманюк считает, что расширение функционального назначения соглашения группы лиц (посредством включения в него порядка осуществления процессуальных прав ведущим истцом, в том числе в части заключения мирового соглашения) способствовало бы обеспечению «правовой свободы» участников группового производства, их автономности и самостоятельности [Ватаманюк, В. О., 2021]. По нашему мнению, в функциональном расширении соглашения о группе лиц нет необходимости. Ведущий истец – это не судебный представитель, его права нарушены так же, как и у других членов группы, поэтому он действует не только в интересах группы, но и в своих, что дает основания полагать, что он будет действовать добросовестно. Если же ведущий истец имеет намерение действовать в процессе по каким-либо причинам недобросовестно (например, в связи со сговором с ответчиком), то соглашение группы лиц вряд ли будет действенным инструментом, способным предотвратить последствия этих действий (например, ведущий истец попросту может отказаться от иска, что скажется на сроках рассмотрения дела и повлечет необходимость в его замене: группа должна будет выбрать нового ведущего истца). Во избежание злоупотреблений со стороны ведущего истца в групповом производстве законодательно усилена роль судьи, рассматривающего дело (причем с точки зрения как российской практики, так и зарубежной). Судья устанавливает состав группы лиц, тщательно следит за соблюдением прав и законных интересов членов группы,

в том числе при заключении мирового соглашения, подаче заявления об отказе от иска, может наложить судебный штраф на ведущего истца в случае злоупотребления им своими процессуальными правами и т. д. Кроме того, процессуальное законодательство наделяет членов группы рядом прав, которые позволяют влиять на ход судебного разбирательства и контролировать действия ведущего истца (п. 4 ст. 244.22, ст. 244.23 ГПК РФ).

Таким образом, соглашение о порядке осуществления прав и обязанностей группы лиц (соглашение группы лиц) – это соглашение об определении порядка несения судебных расходов, в том числе расходов на представителя. Заключение такого соглашения является правом группы лиц, а в отсутствие соглашения применяется правило о том, что ведущий истец осуществляет все процессуальные обязанности истца, в том числе обязанность по уплате судебных расходов.

Анализируя зарубежный опыт в этой части, констатируем, что возможность заключения соглашения группой лиц об определении порядка несения судебных расходов должна оцениваться исключительно положительно. Так, Марта Паколд применительно к американской практике рассмотрения групповых исков обращает внимание на то, что до подачи иска невозможно заключить договор между группой лиц и их адвокатом на представление их интересов. Связано это с тем, что группа не может быть сертифицирована, пока не будет подан иск адвокатом [Pacold, M., 2001]. Именно поэтому возникают дополнительные сложности по определению гонорара адвоката, который устанавливается судом после урегулирования спора или после судебного разбирательства. При этом довольно много споров возникает в связи с определением разумности, справедливости и достаточности данного гонорара как применительно к самому адвокату, так и применительно к группе. Верховный Суд США обращал внимание на данную проблему, отмечая, что «запрос на оплату услуг адвоката не должен привести ко второму крупному судебному разбирательству»⁸.

Джеффри Дж. Касурелла также обращает внимание на указанную проблему, отмечая, что общее американское правило относительно распределения судебных издержек заключается в том, что «каждый истец платит гонорар своему адвокату независимо от того, выиграет он или проиграет, если только законом или договором не предусмотрено иное». При этом адвокат группы лиц в большинстве случаев просит суд отступить от этого правила. Иной подход означал бы, что групповому адвокату придется обратиться к клиенту, являющемуся представителем группы, с требованием оплаты своих услуг. Автор отмечает, что это крайне редкая (или даже не существующая) практика [Casurella, J. G., 2022]. Чаще всего групповой адвокат получает процент из общего фонда, созданного в интересах группы и являющегося результатом урегулирования между сторонами группового производства. Считается, что этот вариант делает процедуру расчетов с групповым адвокатом максимально прозрачной и справедливой. Более

⁸ “Hensley v. Eckerhart”, 461 U.S. 424, 437 (1983). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/461/424/> (дата обращения: 12.01.2024).

того, на суд, рассматривающий дело, возлагаются фидуциарные обязательства в отношении членов группы, особенно отсутствующих.

В деле «Пирсон против NBTY» Апелляционный суд седьмого округа США указал в одном из своих постановлений, что установлен некоторый ориентир для судов при рассмотрении вопроса о соотношении выплат, которые получают члены группы, и размера гонорара группового адвоката – 25% (по делам о возмещении 5–15 млн долл.)⁹.

Джеффри Дж. Касурелла в своей работе дополняет, что, если классный адвокат требует вознаграждения, превышающего 25%, судам предписывается проанализировать ряд факторов, которые могут повлиять на процентные корректировки, например новизна и сложность рассматриваемых вопросов в групповом производстве, опыт и репутация адвоката и т. д.) [Casurella, J. G., 2022].

По делу «Пирсон против NBTY» гонорар адвоката, включенный в проект мирового соглашения между сторонами группового производства, составил в первоначальном варианте 70% общего фонда (4,5 млн долл. при соотношении с выплатами группе из 30 245 граждан в размере менее 900 000 долл.) и был впоследствии изменен.

Интересно, что в решении Апелляционного суда седьмого округа США, принятом 19 ноября 2014 г., указывается на несвойственные российской правовой системе процессуальные соглашения между адвокатом и ответчиком по групповым производствам – чистые соглашения («clear-sailing» agreement) и кикерную оговорку («kicker» clause). Анализ чистых соглашений («clear-sailing» agreement) приводится в работе Уильяма Д. Хендерсона, который определяет их как некоторый компромисс, в котором ответчик по групповому иску соглашается не оспаривать ходатайство группового адвоката о выплате гонорара, но при этом любая часть возмещения, которая считается судьей чрезмерной, вернется к ответчику (это и есть «kicker» clause) [Henderson, W. D., 2003]. Уильям Д. Хендерсон отмечает, что чистые соглашения и кикерные оговорки часто способствуют недобросовестномуговору в урегулировании споров, так как возвращают все невосстановленные деньги ответчику. По его мнению, несмотря на то что суды, осуществляя свои фидуциарные обязательства, применяют «повышенную проверку» к урегулированию споров, включающему соответствующие соглашения, у судов нет четких ориентиров в данном вопросе, что приводит к правовой неопределенности [Henderson, W. D., 2003].

Таким образом, групповые производства со всеми присущими им агентскими проблемами требуют дополнительного аналитического разбора в процессе правоприменения, чтобы гарантировать защиту интересов класса.

Медиативное соглашение и мировое соглашение. Вопрос о возможности применения процедуры медиации в производстве о защите прав и

⁹ “Pearson v. NBTY, Inc.”, 772 F.3d 778 (7th Cir. 2014). URL: https://cei.org/court_case/pearson-v-nbty-inc/ (дата обращения: 12.01.2024).

законных интересов группы лиц недостаточно раскрыт как с точки зрения российского законодательства, так и с точки зрения правоприменительной практики. Статья 244.26 ГПК РФ предусматривает совокупность действий, которые совершает судья на стадии подготовки группового дела к судебному разбирательству. При этом согласно указанной статье судья выполняет также действия, предусмотренные ст. 150 ГПК РФ. Согласно п. 1 ст. 150 ГПК РФ судья содействует примирению сторон, принимает меры по заключению сторонами мирового соглашения, в том числе по результатам проведения процедуры медиации. Как видно, прямого запрета на проведение процедуры медиации в групповом производстве нет, однако нет и разъяснений относительно возможности и основных условий ее проведения. Еще один важный момент заключается в том, что ст. 244.22, 244.27 ГПК РФ не называют в числе «процессуальных возможностей» ведущего истца, которые могут быть согласованы с группой лиц, право на обращение в процессе рассмотрения дела к профессиональному медиатору (если ответчик не против соответствующего способа урегулирования).

По нашему мнению, с точки зрения российской практики рассмотрения групповых исков есть одна интересная особенность – стороны по делу в основном не ориентированы на заключение мирового соглашения. В отличие, например, от США, где возбужденные групповые производства изначально направлены на их урегулирование с учетом компромисса спорящих сторон и его последующей тщательной проверки со стороны суда [Melnick, J. D., 2008]. Этим объясняется тот факт, что процедура медиации в американских групповых производствах – это очень распространенная практика. Так, Джеймс Ричард Кобен отмечает, что во многих коллективных исках наступает момент, когда стороны соглашаются обратиться к посреднику (медиатору), так как это позволяет не только согласовать условия мирового соглашения, но и получить их последующее одобрение судом. Таким образом, медиативное соглашение как результат проведенной процедуры медиации может быть утверждено судом в качестве мирового соглашения. Кроме того, обращение к независимому и незаинтересованному в исходе дела медиатору выступает дополнительной гарантией соблюдения прав и законных интересов отсутствующих членов группы (в том числе в части урегулирования вопроса о гонорах адвокатов) [Coben, J. R., 2013].

Так, в деле «Cleary v. American Airlines» стороны неоднократно принимали участие в процедуре медиации. В рамках соглашений, представленных на одобрение суда, этот факт был отмечен и указано, что урегулирование производилось «на расстоянии вытянутой руки» – принцип, который лежит в основе справедливого урегулирования, означающий, что стороны не влияли друг на друга и преследовали в процессе урегулирования исключительно свои интересы¹⁰.

¹⁰ «Cleary v. American Airlines, Inc.» (4:21-cv-00184-O). URL: <https://www.courtlistener.com/docket/59680280/cleary-v-american-airlines-inc/> (дата обращения: 12.01.2024).

Как уже было отмечено выше, большинство групповых производств в США заканчивается утверждением мирового соглашения между сторонами. При этом соответствующее соглашение заключается между ответчиком и групповым адвокатом или представителями группы; это не соглашение с членами класса. В связи с этим утверждение справедливого, разумного и адекватного мирового соглашения, позволяющего учесть интересы группы, особенно отсутствующих членов, и ответчика, – это одна из основных задач групповых производств. Кристен Элия отмечает, что суды крайне внимательно, с учетом ряда факторов оценивают мировые соглашения, прежде чем их одобрить и утвердить, факторы, применяемые судом при утверждении или отклонении мирового соглашения, указываются в текстах вынесенных судебных постановлений. На основании проведенного анализа Кристен Элия выделяет факторы, которые обычно принимают во внимание судьи при оценке мирового соглашения: имеется ли риск мошенничества или сговора между сторонами; действуют ли адвокаты и представители группы в наилучших интересах группы; действительно ли представители группы имеют общие интересы с отсутствующими членами класса, осознают ли наличие фидуциарных обязательств перед ними; сложность, расходы и вероятная продолжительность судебного разбирательства в случае отказа в утверждении мирового соглашения и насколько утверждение мирового соглашения облегчит фактическое положение группы; является ли возмещение, предложенное в мировом соглашении, адекватным с учетом нарушения прав членов группы; является ли урегулирование справедливым в свете общесоциальных факторов и интересов общественности в целом [Elia, K., 2018]. Как видно, роль судьи, рассматривающего дело, ключевая в данном процессе. При этом она строго ограничена целью защиты отсутствующих членов группы. Вмешательство в соглашение сторон, не обусловленное этой целью, недопустимо, поскольку суд стороной мирового соглашения не является.

С точки зрения российского законодательства какой-либо специфики в отношении заключения мирового соглашения в производстве по защите прав и законных интересов группы лиц не предусмотрено. Учитывая, что ведущий истец обладает всеми распорядительными процессуальными правами в групповом производстве, мировое соглашение заключается им; какое-либо предварительное одобрение членами группы не требуется.

Такой подход законодателя неоднократно подвергался критике со стороны научного сообщества. Так, В. А. Колотов отмечает, что заключение мирового соглашения в групповом производстве только по воле ведущего истца недопустимо. По его мнению, утверждение мирового соглашения возможно только после уведомления ведущим истцом членов группы, с тем чтобы последние имели возможность отказаться от своего заявления о присоединении к групповому иску и обратиться в суд с личными заявлениями (если по характеру правоотношений такой выход возможен) [Колотов, В. А., 2021]. В. О. Ватаманюк обращает внимание на то, что процессуальное законодательство не предусматривает специальных критериев оценки мирового соглашения, не определяет процессуальное положение

участников, присоединившихся к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц. По его мнению, также следует поставить в зависимость возможность утверждения мирового соглашения в групповом производстве от одобрения его условий заинтересованными участниками группы [Ватаманюк, В. О., 2021].

По нашему мнению, указанные позиции, если бы они были отражены в российском законодательстве, также повлекли бы за собой серьезные правоприменительные трудности. Во-первых, при оценке недобросовестности в групповых производствах прежде всего оценивается наличие/отсутствие таковой в действиях ведущего истца (представителя группы) и ответчика. Однако те же американские исследования показали, что отдельные члены группы могут злоупотреблять своими процессуальными правами ничуть не меньше, несмотря на то что сторонами группового производства не являются. В уже рассмотренном нами выше деле – «Пирсон против NBTU» в ряде судебных документов упоминается такое понятие, как «профессиональный отказник», – это особый юридический термин, относящийся к адвокатам членов группы, которые по согласованию с ними «пытаются или угрожают сорвать мировое соглашение» путем подачи многочисленных возражений и жалоб, если адвокаты ведущих истцов не подкупят их. Таким образом, некоторые суды полагают, что юридические аргументы стороны, подающей возражение, довольно часто формируются с заведомо недобросовестной целью. По нашему мнению, если поставить саму возможность заключения мировых соглашений в зависимость от одобрения членами группы, мировых соглашений не будет в принципе, кроме того, это создаст волокиту в групповом производстве. Учитывая, что природа группового иска заключается в объединении множества различных интересов (интересы ведущего истца, ответчика и каждого члена группы, которая может быть многочисленной), наделение каждого истца активной позицией в области согласования условий мирового соглашения ни к чему не приведет. Именно поэтому по-прежнему считаем, что в групповых производствах особую роль в соблюдении прав и законных интересов как сторон, так и других членов группы играет независимый и беспристрастный судья, рассматривающий дело. При этом согласимся, что необходимы установленные критерии оценки мирового соглашения судьей. Однако закреплять их в процессуальном законодательстве, по нашему мнению, необходимости нет, достаточно было бы предусмотреть раскрытие данного вопроса в постановлениях Верховного Суда Российской Федерации.

Обсуждение и заключение

Анализ норм ГПК РФ, их сравнение в ряде аспектов с зарубежным законодательством позволяет сделать выводы относительно российского подхода к урегулированию ряда процессуальных соглашений в групповых производствах.

1. Процессуальное законодательство закрепляет исключительную подсудность групповых производств, которая не может быть изменена соглашением сторон, что позволяет устранить все возможные спорные ситуации

и путаницу с определением суда, компетентного рассматривать групповой иск.

2. Дела о защите прав и законных интересов группы лиц не могут быть переданы на рассмотрение третейского суда. При этом включение третейских оговорок экономически сильным субъектом в договор с гражданином может ограничить право последнего выбирать форму защиты, в том числе в части обращения в суд с групповым иском. Выход из данной проблемы отчасти сформулирован в отдельных судебных решениях: судья, прежде чем принимать решение о возвращении искового заявления (группового иска) или оставлении его без рассмотрения при наличии в договоре третейской оговорки, должен дать оценку данному соглашению с точки зрения реализации права граждан на судебную защиту. Однако отсутствует системообразующее постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которое способствовало бы единообразию судебной практики.

3. Возможность заключения соглашения группой лиц об определении порядка несения судебных расходов должна оцениваться исключительно положительно. По нашему мнению, в функциональном расширении соглашения группы лиц путем закрепления распорядительных прав ведущего истца, в том числе в части заключения мирового соглашения, необходимости нет. Однако в соглашении группы лиц наряду с закреплением права на поручение ведения дела представителю может быть определено право на обращение в процессе рассмотрения дела к профессиональному медиатору. На это должно быть указание в ГПК РФ, которое в настоящее время отсутствует.

4. Особую роль в соблюдении прав и законных интересов как сторон, так и других членов группы, особенно при заключении сторонами мирового соглашения, играет независимый и беспристрастный судья, рассматривающий дело. При этом необходимы установленные критерии оценки мирового соглашения судьей. По нашему мнению, закреплять их в процессуальном законодательстве необходимости нет, достаточно было бы предусмотреть раскрытие данного вопроса в постановлениях Верховного Суда Российской Федерации.

Список источников

Афтахова А. В. К вопросу о соотношении процессуального статуса представителя и лица, которое ведет дело в интересах группы лиц // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Право. 2022. № 4 (72). С. 23–29. DOI: 10.26456/vtpravo/2022.4.023.

Ватаманюк В. О. Заключение мирового соглашения в групповом производстве // Вестник гражданского процесса. 2021. № 2. С. 127–174. DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-2-127-174.

Колотов В. А. Защита прав и законных интересов группы лиц в гражданском и арбитражном судопроизводствах : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2021. 29 с.

Рожкова М. А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. М. : Статут, 2009. 332 с. ISBN: 978-5-8354-0611-1.

Терентьева Л. В. Арбитражные оговорки в соглашениях с участием потребителя // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 28–44. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.2.28.44.

Шеменева О. Н. Критерии разграничения гражданско-правовых договоров и процессуальных соглашений // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 61–68. DOI: 10.12737/art_2019_4_5.

Casurella J. G. How Class Action Fees Work in the Eleventh Circuit // Mercer Law Review. 2022. Vol. 73, no. 3. Art. 9. P. 879–908. URL: https://digitalcommons.law.mercer.edu/jour_mlr/vol73/iss3/9.

Coben J. R. Creating a 21st Century Oligarchy: Judicial Abdication to Class Action Mediators // Yearbook on Arbitration and Mediation. 2013. Vol. 5. P. 162–193. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2297959.

Elia K. Hard-look judicial review of class action settlements // University of Cincinnati Law Review. 2018. Vol. 85. P. 1135–1163. URL: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/ucinlr85&div=45&id=&page>.

Glover J. M. Mass Arbitration // Stanford Law Review. 2022. Vol. 74. P. 1283–1392. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3575765.

Henderson W. D. Clear Sailing Agreements: A Special Form of Collusion in Class Action Settlements // Tulane Law Review. 2003. Vol. 77, no. 4. P. 813–838. URL: <https://www.repository.law.indiana.edu/facpub/343>.

Melnick J. D. The Mediation of Securities Class Action Suits – A Panel Discussion Hosted by the Benjamin N. Cardozo School of Law // Cardozo Journal of Conflict Resolution. 2008. Vol. 9. P. 397–437. URL: <https://www.jamsadr.com/publications/2008/melnick-the-mediation-of-securities-class-action-suits>.

Pacold M. Attorneys' Fees in Class Actions Governed by Fee-Shifting Statutes // University of Chicago Law Review. 2001. Vol. 68, issue 3. Art. 15. P. 1007–1034. URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/uclrev/vol68/iss3/15>.

References

Aftakhova, A. V., 2022. On the question of the relationship of the procedural status of the representative and the person which does case in the interests of a group of persons. *Herald of Tver State University. Series: Law*, 4, pp. 23–29. (In Russ.) DOI: 10.26456/vtpravo/2022.4.023.

Casurella, J. G., 2022. How Class Action Fees Work in the Eleventh Circuit. *Mercer Law Review*, 73(3), art. 9, pp. 879–908. URL: https://digital-commons.law.mercer.edu/jour_mlr/vol73/iss3/9.

Coben, J. R., 2013. *Creating a 21st Century Oligarchy: Judicial Abdication to Class Action Mediators*. *Yearbook on Arbitration and Mediation*, 5, pp. 162–193. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2297959.

Elia, K., 2018. Hard-look judicial review of class action settlements. *University of Cincinnati Law Review*, 85, pp. 1135–1163. URL: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/ucinlr85&div=45&id=&page>.

Glover, J. M., 2022. Mass Arbitration. *Stanford Law Review*, 74, pp. 1283–1392. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3575765.

Henderson, W. D., 2003. Clear Sailing Agreements: A Special Form of Collusion in Class Action Settlements. *Tulane Law Review*, 77(4), pp. 813–838. URL: <https://www.repository.law.indiana.edu/facpub/343>.

Kolotov, V. A., 2021. *Zashchita prav i zakonnykh interesov gruppy lits v grazhdanskom i arbitrazhnom sudoproizvodstvakh* = [Protection of the rights and legitimate interests of a group of persons in civil and arbitration proceedings]. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow. 29 p. (In Russ.)

Melnick, J. D., 2008. The Mediation of Securities Class Action Suits – A Panel Discussion Hosted by the Benjamin N. Cardozo School of Law. *Cardozo Journal of Conflict Resolution*, 9, pp. 397–437. URL: <https://www.jamsadr.com/publications/2008/melnick-the-mediation-of-securities-class-action-suits>.

Pacold, M., 2001. Attorneys' Fees in Class Actions Governed by Fee-Shifting Statutes. *University of Chicago Law Review*, 68(3), art. 3, pp. 1007–1034. URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/ucirev/vol68/iss3/15>.

Rozhkova, M. A., 2009. *Yuridicheskie fakty grazhdanskogo i processual'nogo prava: soglasheniya o zashchite prav i protsessual'nye soglasheniya* = [Legal facts of civil and procedural law: agreements on the protection of rights and procedural agreements]. Moscow: Statut. 332 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-8354-0611-1.

Shemeneva, O. N., 2019. Criteria of differentiating civil contracts and procedural agreements. *Journal of Russian Law*, 4, pp. 61–68. (In Russ.) DOI: 10.12737/art_2019_4_5.

Terenteva, L. V., 2020. Arbitration clauses in agreements involving consumers. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2, pp. 28–44. (In Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2020.2.28.44.

Vatamanyuk, V. O., 2021. Conclusion of a settlement agreement in group proceedings. *Herald of Civil Procedure*, 2, pp. 127–174. (In Russ.) DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-2-127-174.

Информация об авторе / Information about the author

Гинзбург Ирина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева (Российская Федерация, 430005, Саранск, ул. Большевикская, д. 68).
Irina V. Ginzburg, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Civil Law and Procedure Department, National Research Ogarev Mor-dovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 29.02.2024; одобрена после рецензирования 23.04.2024; принята к публикации 27.04.2024.
The article was submitted 29.02.2024; approved after reviewing 23.04.2024; accepted for publication 27.04.2024.